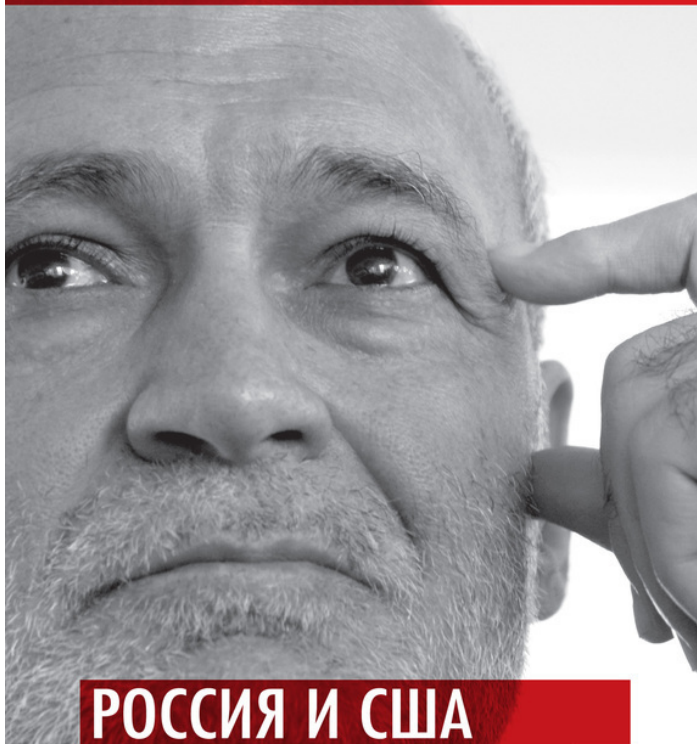

АНДРАНИК
МИГРАНЯН

РОССИЯ И США
ФАКТОР ПУТИНА

Андраник Мовсесович Мигранян Россия и США: фактор Путина

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22448734

Мигранян А.М. Россия и США: фактор Путина: ООО «ТД Алгоритм»;

Москва; 2016

ISBN 978-5-906880-53-6

Аннотация

В книге известного российского публициста и политолога А.М. Миграняна, с 2008 по 2015 гг. возглавлявшего нью-йоркское представительство Института демократии и сотрудничества, рассматриваются различные аспекты российской внешней политики, в том числе на Ближнем Востоке и на Украине, исследуются причины затянувшейся враждебности США в отношении России вообще и ее президента в частности. «Американские страсти» по Путину разрастаются по мере укрепления России как важнейшего политического игрока на мировой арене и вынужденного признания собственных ошибок и неудач заокеанским истеблишментом, будь то агрессия в отношении Ирака, свержение Муаммара Каддафи в Ливии или попытки смены режима Асада в Сирии. Важно понять, что Россия, вступая в конфронтацию с заокеанскими миротворцами, делает это не в пику Америке, а пытается на основе доброй воли предотвратить грубейшие ошибки своих партнеров,

которых за последние 20 лет было предостаточно. Комментируя сложившуюся ситуацию, А. Мигранян отвечает на вопросы, насколько серьезны противоречия между США и нашей страной и к чему они могут привести в будущем.

Содержание

США – Россия. Конфликт интересов или партнерство?	6
Являются ли США проблемой для России?	6
Каир устроил тест для Обамы	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

А.М. Мигранян Россия и США: фактор Путина

© Мигранян А. М., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

США – Россия. Конфликт интересов или партнерство?

Являются ли США проблемой для России?

Передача с таким красноречивым названием проходила более десяти лет тому назад. С тех пор проблема не только не исчезла, но и возросла, став проблемой не только для России, но и для всего мира, где Соединенные Штаты после развала СССР остались единственной сверхдержавой, пытающейся навязывать свое видение национального устройства и существования в каждом уголке планеты. Поэтому сегодня, очевидно, будет интересно и полезно обернуться назад и посмотреть, как развивалась ситуация и как менялось наше отношение к ней.

Виталий Третьяков, ведущий (далее **В.Т.**): – Здравствуйте, дорогие друзья и коллеги. Это передача «Что делать?», и я ее ведущий – Виталий Третьяков. Обсуждаем по-прежнему проклятые вопросы истории русской современности. Сегодня поговорим о том, являются ли Соединенные Штаты Америки проблемой для России. У нас уже была передача «Является ли Евросоюз проблемой для России?».

Сегодня – об американцах. Мои гости – это люди, я бы сказал, глубоко связанные с Соединенными Штатами Америки. Мало того, что они американисты, но они очень часто там бывают. Они занимаются этим специально. То есть если представить, что кто-то в каком-то обозримом будущем вдруг закроет Америку, то они останутся без части своей жизни. В этом смысле они очень неравнодушны, но, я уверен, крайне объективны. И мне хотелось бы, чтобы в этом собрании квалифицированных специалистов мы преодолели тот комплекс антиамериканизма, который в каждом из нас присутствует и, по моим наблюдениям, все больше и больше распространяется в мире. Я ставлю свой первый вопрос для того, чтобы выяснить, на каком хронологическом отрезке времени наших взаимоотношений с Соединенными Штатами Америки мы находимся, учитывая их могущество. Первый вопрос для короткого ответа каждого – как раз для уточнения этой позиции. Итак, Соединенные Штаты Америки уже начали стремиться к закату своего могущества, или они еще будут подниматься по восходящей к своему глобальному господству? Все-таки это разные позиции, это разная проблемность. Вот как бы вы зафиксировали сейчас этот исторический календарь Соединенных Штатов Америки для их могущества?

Сергей Караганов, председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора института Европы РАН (далее С.К.): – Амери-

ка потеряла часть своего реального или фантомного могущества, которое обсуждалось здесь и везде несколько лет тому назад, когда все считали, что Америка является фактически единственной сверхдержавой. Она его потеряла. Но могущество Америки осталось, потому что там есть одна из самых сильных экономик, которая накачивается деньгами со всего мира. Там есть самые сильные вооруженные силы, там есть самая сильная политическая система из существующих среди развитых стран. Поэтому Америка слабеет, она частично слабеет благодаря своим собственным неправильным действиям, но о закате могущества я бы еще не говорил.

Алексей Арбатов, член научного совета Московского центра Карнеги, член-корреспондент РАН (далее А.А.): – Экономическая и военная мощь Америки велика и будет оставаться самой большой в мире еще на протяжении, может быть, 20 или 30 лет. Но возможность трансформировать это в политическое влияние в мире резко сужается. Поэтому если говорить об американском веке, как о нем говорили еще несколько лет назад, то, на мой взгляд, никакого не вызывает сомнения, что этот век быстро заканчивается. Соединенные Штаты, при всем своем могуществе, в новом окружающем мире, который за эти несколько лет тоже очень значительно изменился, сворачивают свое влияние и возможности за рубежом, и будут сворачивать дальше. Вопрос только в том, где этот процесс остановится.

Анатолий Уткин, директор Центра международных

исследований РАН (далее **А.У.**): – Мне представляется, что высказанные точки зрения несправедливы по отношению к американскому могуществу. Мне кажется, что минимум при жизни еще одного поколения Соединенные Штаты, останутся, безусловно, самой могучей державой. Мне не нужно говорить о 14 триллионах продукта, о самой большой военной мощи, это очевидно... Что случилось, что дает шанс американцам? Не получилось единой Конституции Европейского союза, то есть как государство Европа не возникает. Китай на пути к могуществу, но у него тоже еще 25–30 лет впереди. И о Соединенных Штатах нет никаких оснований говорить, что начался закат американского могущества. Соединенные Штаты продолжают оставаться державой номер один и будут таковыми долго.

Андраник Мигранян, профессор МГИМО (далее **А.М.**): – Я же, к сожалению, или, не знаю, к счастью, должен не согласиться с тем, что было сказано здесь. Мне кажется, все-таки пик могущества американцы уже перешли. И я в этом отношении хотел бы напомнить одну замечательную идею Монтескье о Римской империи: максимальная экспансия империи совпадает с началом внутреннего заката этой страны. Мне кажется, что американцы столкнулись с огромным количеством внутренних проблем, достаточно почитать книгу Патрика Бьюкенена по этому поводу. Это и демографическая, и культурная, и целый ряд других проблем. И они столкнулись с колоссальным количеством внешних вызовов,

я думаю, в значительной степени потому, что Америка теряет свой, как говорил Джозеф Ной, soft power, то есть мягкую силу, привлекательную для других стран. Действуя с помощью жесткой силы, она, конечно, вызывает все более и более негативную реакцию по отношению к себе.

Сергей Рогов, директор Института США и Канады РАН, член-корреспондент РАН (далее С.Р.): – Я думаю, что именно в начале XXI века Америка достигла пика своего могущества и о закате Америки пока говорить рано. И действительно, роль единственной сверхдержавы означает, что нет ни одного равного по силам соперника, даже близко нет. Об этом уже говорили мои коллеги. Я думаю, что с этой точки зрения баланс сил в мире вряд ли изменится в течение ближайших нескольких десятилетий. Но, достигнув пика своего могущества, Америка столкнулась с проблемой истощения сил. Даже самая могущественная держава одна не в состоянии диктовать всему миру. И сегодня в конечном счете все упирается в вопрос, каким будет исход войны в Ираке. Если Америка одержит победу (вопрос еще, что считать победой), то, я думаю, что инерция этого сверхдержавного однополярного мира будет действовать еще очень долго».

В.Т.: – *Я фиксирую тот аспект проблемы, что еще два или три года назад, а уж 5–6 лет тем более, практически не оспаривалось, что XXI век, по крайней мере, его первая половина – век США. Ну, может быть, были какие-то диссидентские точки зрения, но все-таки сейчас*

по этому поводу сомнения. Я предлагаю вам самим изложить ту парадигму проблемности Америки для России в позитивном и негативном смысле, в частности, упомянув все-таки возможные перспективы ее вдруг скорого стремительного обрушения. Потому что надежды на то, что Евросоюз, расширяясь, будет все могущественнее и могущественнее, тоже ставится сейчас под сомнение. Про Советский союз на пике его могущества тоже многие думали, что это на века и на десятилетия, а потом опыт исторический показал, что обрушение происходит очень и очень стремительно. Итак, американская парадигма проблемности для России и, в частности, возможные перспективы ее скорого разрушения. Заинтересованы ли мы в том, чтобы этот мировой жандарм или мировой гегемон вдруг неожиданно исчез?

С.К.: – Начнем с малого. Я был диссидентом, который 5–7 лет тому назад говорил, что американское могущество переоценено. Я рад, что оказался прав. Второе. Америка была гораздо более могущественная, чем весь остальной мир, по крайней мере, два раза в своей истории. Уж один раз точно – в 50-е годы прошлого века. Мы просто забыли историю. Мне стыдно говорить об этом в кругу столь выдающихся историков. Америка была сверхдержавой и сверх-сверхдержавой, конечно, в конце 40-х – начале 50-х годов. Она была гораздо более могущественная, чем сейчас. Поэтому давайте оставим наши собственные представления немного в сто-

роне. Третье – проблемы для России. Америка, скорее, пока является решением для России, а не проблемой, потому что американцы с самого начала поняли, что они многое без России сделать не могут, а против России делать им невыгодно. И поэтому они проводили наиболее конструктивную политику среди западных держав в отношении России. Нам она не нравилась, потому что все равно мы отступали иногда, но они могли наш бывший Советский союз разорвать окончательно.

В.Т.: – *Но они испугались это сделать.*

С.К.: — Они рационально этого делать не стали. И сейчас рационально дают нам возможность сыграть какую угодно роль, например, в Центральной Азии расширить влияние, на Ближнем Востоке, что меня очень пугает. Всех очень порадовало, что они ушли из Узбекистана, а мы туда вошли. А меня это обеспокоило, потому что это означает, что мы взваливаем на себя имперскую ношу, не имея для этого соответствующих ресурсов. Другое дело, что, может быть, мы не имеем права не взвалить на себя эту ношу.

А.М.: – Я думаю, что сегодня сложилась для России чрезвычайно благоприятная ситуация по целому ряду направлений и по целому ряду причин. Если в 90-е годы при всемогуществе США мы были тотально зависимы от этой страны – мы не имели субъектности нашего государства, и Вашингтон в значительной степени определял границы нашей субъектности, – то сегодня с ослаблением США или, по крайней ме-

ре, с перенапряжением американской империи, вовлеченности ее в целый ряд авантюрных проектов, реализация которых ставится под сомнение самими американскими политиками и аналитиками, и с укреплением российского государства, консолидацией власти, с увеличением ресурсной базы, это делает возможности обретения нашей субъектности в международных отношениях гораздо более возможным. И зависимость наша от Вашингтона стремительно уменьшается. Мы становимся партнером, а не вассалом.

С.Р.: — В общем, я не совсем согласен с тем, что сказали коллеги. В первую очередь я хочу напомнить, что мы – страна, которую еще 15 лет назад называли совершенно иначе. Мы с вами вышли из страны, которая была сверхдержавой. Может быть, по каким-то количественным показателям Америка была сильнее, но была вторая сверхдержава, которая вступила с Америкой в глобальное соперничество и проиграла его. Так вот, конечно, иметь дело с единственной сверхдержавой – это проблема для любой страны мира сегодня, не только для России. Это проблема для всех, поскольку Америка пытается диктовать правила игры и, в общем-то, нередко навязывает эти правила. И здесь уже говорилось о том, что в 90-е годы американское влияние на внутреннюю политику России, не говоря уже о внешней, было чрезмерным. Сегодня ситуация меняется. Но я предупредил бы не делать ошибки в отношении того, что Америка ослабевает, а мы вроде начинаем восстанавливать свою мощь.

Вперед! Россия должна стать новой сверхдержавой, которая будет уравнивать, балансировать американскую мощь. Тоска по сверхдержавности России – это, я считаю, сегодня еще большая опасность, чем пораженческие настроения.

В.Т.: — *Не знаю, я вот тоскую.*

С.К.: — Это ваша проблема, ее обозначили.

С.Р.: — Проблема заключается в том, что России надо четко обозначить свои национальные интересы. И там, где нам это выгодно, сотрудничать с американцами и переходить от декларативного партнерства к реальному. А там, где надо, мы должны жестко защищать свои интересы и не бояться говорить американцам «нет». Но надо четко понимать, ради чего мы делаем это. Если просто для того, чтобы утереть нос американскому империализму, то это может кончиться весьма плохо.

В.Т.: — *Я хотел бы просто поставить пару-тройку вопросов по проблемам из этой парадигмы. Пока уж вы их так четко не обозначили. Вот авантюризм американской внешней политики – по крайней мере, тот, который мы упомянули, – все-таки является проблемой для России? Это первое. Второе. Если это самая могущественная страна... По моему, Анатолий Иванович частенько любит повторять, что когда ты самый большой, самый могущественный, то все начинают объединяться против тебя. И вот этот антиамериканизм из психологического становится политическим и может привести к конкретным мировым восстани-*

я.м. Это является проблемой для нас? Или то, что тоже здесь уже упоминалось, но с точки зрения американского избирателя. А вот с нашей точки зрения? Они решают, как не проиграть в Ираке. Это их проблемы – проиграют они или не проиграют, но когда они оттуда выйдут, то...

С.Р.: — То это проблема для всех.

В.Т.: — *Вот поконкретнее о нашей повестке дня в связи с присутствием Америки.*

А.А.: — Я думаю, что есть две главные проблемы в российско-американских отношениях. Первая – мы не нашли все-таки систему, в которой можем взаимодействовать, потому что Америка, безусловно, смотрит на Россию, как на младшего партнера. А Россия не хочет выступать в качестве младшего партнера. Роль младшего партнера по отношению к Америке, которую играют многие страны – Япония, многие союзники Америки в Европе, – с удовольствием играют эту роль, понимая, что соотношение сил, конечно, в пользу США. У нас такой курс никогда не получит внутренней поддержки. И чем больше правительство, исполнительная власть идут на уступки, осознавая неравенство сил, тем больше растет антиамериканизм в политической элите, вообще в общественном мнении, в средствах массовой информации. Мы с этим феноменом сталкиваемся уже много лет. А второе – то, о чем очень часто забывают, может быть, сейчас неполиткорректно об этом говорить, но я не могу не сказать. Давайте не забывать о том, что основа политических отно-

шений в части военной у нас остается основой противостояния, конфронтационной основой. Об этом политики не любят говорить, об этом общественность совершенно забыла, но до сих пор тысячи ядерных боеголовок мы нацеливаем друг на друга. И значительную часть из них держим в минутной готовности к запуску. И хотя в годы холодной войны это было в центре внимания, все боялись ядерной войны, но когда закончилась холодная война, отошло на задний план. Но это присутствует. И сколько бы мы ни говорили о партнерстве, о союзе, пока вот с этой ядерной материальной реальностью ничего не сделано, все наше сотрудничество будет поверхностным. Наше российское общество в значительной степени все еще смотрит на США как на противника.

В.Т.: – *А американское?*

А.А.: – **Американское смотрит на Россию с недоверием и подозрительностью, но считает Россию не равной себе. Они, прежде всего, на Китай теперь устремлены. Они в перспективе Китай видят главным противником.**

В.Т.: – *Слабым, но все-таки врагом?*

А.А.: — Слабым, но все-таки «и не друг, и не враг, а так». Вот так смотрят на Россию, при этом испытывают к ней недоверие, подозрительность значительную. Мы не определили, где вот эта новая точка соприкосновения в наших интересах. И позвольте еще три коротких замечания сделать. В чем проблема наших отношений? В том, что, во-первых, нет никакой

стратегии в них. Мы не видим, какие долгосрочные цели в наших отношениях с США. Мы знаем, что есть многие сферы, где у нас общие интересы: борьба с распространением ядерного оружия, с международным терроризмом, с локальными конфликтами, с воинствующим исламом и другие, но мы стратегической цели в наших отношениях не представляем себе. Что, мы союзниками станем, в конце концов? Или останемся какими-то не союзниками, но и не противниками?

В.Т.: – *Если на нас смотрят, как «и не друг, и не враг, а так», то мы...*

А.А.: — А мы на них смотрим больше все-таки как на врага.

В.Т.: – *Во всяком случае, это более четкая позиция.*

А.А.: — На официальном уровне не принято говорить, но общественность смотрит на США как на противника. Итак, нет стратегической цели – это первое. Второе – внутри Америки, внутри США нет сообществ, которые бы поддерживали эти отношения. То есть нет базы внутривластной для наших отношений. Все это лишь на самом верхушечном уровне осуществляется. А внутри стран скорее враждебное отношение друг другу. И третье – нет ни экономической, ни военной основы наших взаимоотношений. О военной основе я уже сказал: по-прежнему друг на друга нацелены тысячи боеголовок – и об этом как будто бы забыли. А это подспудно держит нас по разные стороны баррикад все-таки. Во-вторых, в экономическом плане при всех огромных потен-

циальных возможностях в силу ряда причин, в том числе и наших внутренних, мизерное сотрудничество. Базы для отношений нет. И любая смена руководства или настроения у руководства моментально разрушит вот ту тонкую нить отношений, которая поддерживается на официальном уровне.

В.Т.: – *Замечу: что там, что там.*

А.А.: — Может быть, и там, и там.

В.Т.: – *Анатолий Иванович, вы еще не выступали.*

А.У.: — Мне представляется, все-таки сегодня мы не очень отчетливо говорим о том, что Соединенные Штаты решают несколько жестких задач. Первая – не восстановить никоим образом СНГ как единое государство. И стоит только русским и украинцам немного о чем-то договориться, как Кондолиза Райс немедленно летит в Киев. И почему-то наши украинские друзья начинают отворачиваться, и так далее.

В.Т.: – *Да, это проблема для нас, безусловно.*

А.У.: — Это колоссальная проблема. Они понимают, что вместе с Украиной мы супердержава. Они понимают, что по отдельности мы – средняя держава. Если из 15 республик в семи находятся американские войска, что нужно еще говорить, друзья мои? Представьте, что в семи штатах стояли бы российские войска.

В.Т.: – *Не войска, извините. Пока еще не войска.*

А.У.: — Соединенные Штаты держат войска в 120-ти странах мира. В 47 странах мира они имеют на постоянной основе огромные базы. Соединенные Штаты поставили пе-

ред собой цель – не позволить России воссоздать ту степень могущества, которая им угрожает.

С.Р.: — Анатолий Иванович, цель Соединенных Штатов – не допустить появления новой сверхдержавы. И в качестве кандидата считается Китай. Россия, как и любая другая страна, следует за ним. Не надо говорить о том, что главная цель Соединенных Штатов – это противостоять возрождению России.

А.У.: — Мы единственная держава в мире, которая способна уничтожить Соединенные Штаты. Это не желаемое, это физически.

А.М.: – И, кстати, в книге о дипломатии Генри Киссинджер задолго до ликвидации Советского союза, размышляя геополитически, говорил, что на этом пространстве Евразии не должно быть консолидируемой силы, потому что консолидируемая сила с этими ресурсами, с человеческим потенциалом может быть серьезной угрозой для Соединенных Штатов. Поэтому это не русофобия и антирусская политика, это просто американская политика по недопущению восстановления субъектности российского государства. Геополитика – это как математика, это как «дважды два четыре».

С.К.: – Я абсолютно согласен со всем, что было сказано, кроме одного, что я хотел бы дополнить. Господа, это не антирусская политика. Мы немного забываем, что сейчас, конечно, главная проблема для Соединенных Штатов Америки, как они считают, это возрождения Китая, это ситуации

на Большом Ближнем Востоке. Это две главные проблемы. А третья проблема, которую мы вообще забыли и которой сейчас коллеги в Америке посвящают все больше и больше внимания, – это недопущение возрождения политической Европы. Она им мешает сейчас «в закрытую» (пока в открытую она не мешает) гораздо более эффективно, гораздо более интенсивно, чем они мешают возрождению так называемого мифического СССР или СНГ и так далее.

А.А.: — Сергей Александрович, можно, я с вашей точкой зрения соглашусь, хотя я с ней не согласен. Но я поддерживаю вас в том плане, что Америка, увязнув в Ираке, кстати, я с Сергеем Михайловичем не могу согласиться в том, что вопрос не стоит – победят или проиграют. Вопрос стоит в том, какой ценой проиграют, но для всех это ясно. Вот вам в Ираке, пожалуйста, сверхдержава. Ситуация в мире изменилась: маленький Ирак, но они там увязли по уши.

В.Т.: – *Почему изменилась? Они имели 40 лет назад точно такую же войну во Вьетнаме.*

А.А.: — 40 лет назад они с Ираком бы разделались как Бог с черепахой. Это не Вьетнам, извините, не Корея, Ирак – совсем другое. И теперь они в Ираке увязли, а уж про Корею, Иран и говорить нечего. Вот увязли. И они сейчас, в принципе, заинтересованы в России гораздо больше, чем были заинтересованы раньше, потому что от России много зависит. Но мы не знаем, как выстроятся отношения, мы не знаем, как их получить. Мы могли бы прийти и сказать: «Заключили дого-

вор в 2002 году о сокращении стратегических вооружений, давайте наполним содержанием систему проверки, сделаем это реальным договором». Но мы как будто о нем забыли. По другим вопросам мы не знаем тоже, что от них потребовать. И еще одно короткое замечание по поводу Украины. Естественно, они не хотят объединения России с Украиной. Но главная проблема наших отношений – в Москве и в Киеве. Вот так же, как с Канадой, например. Вы хоть тресните, но вы не поссорите Америку с Канадой. Вы хоть тресните, но вы не поссорите Францию с Германией. И если бы в Москве и в Киеве не совершались все эти ошибки, то ничего бы американцы не сделали против наших отношений.

А.М.: – Алексей, я хотел бы сказать сейчас, когда мы, видимо, как раз подошли к центральному пункту той дискуссии, которую Виталий здесь хотел организовать. У нас есть очень ясное и четкое понимание, что нам надо, и мы должны американцам сказать об этом очень ясно, четко и однозначно. Бывшая территории Советского союза – это та цена, которая может быть предметом переговоров с нами для того, чтобы мы закрывали глаза, или, по крайней мере, дистанцировались от Ирака, а также в Европе или на Большом Ближнем Востоке, чтобы в американо-китайских отношениях мы вели себя очень осторожно и аккуратно, и так далее. То есть вот это не трогайте, это все – наше. Или, по крайней мере, мы имеем претензии на это. Такова наша стратегическая задача – восстановление вот этой территории в интегрирован-

ном виде с человеческим ресурсом, с технологическими ресурсами.

А.А.: – Как раз нужно по нынешним ценам продавать, если мы перед собой такую цель ставим. Это именно то самое.

А.М.: – Алексей, дорогой, это совершенно другой вопрос. Что больше всего во время украинского кризиса запомнилось мне лично? Когда в Северодонецке собрались губернаторы востока и юга, Армитидж (заместитель госсекретаря США в то время. – *Прим. ред.*) позвонил тогда – не Кондолиза Райс, а Армитидж – Януковичу и сказал: «Вы не вздумайте говорить о расколе Украины». Какое дело Америке до раскола Украины вообще? Меня это просто поражает. Это значит, что Америка не хочет восстановления на этом геополитическом пространстве сильного государства. Это их национальная цель. А наша национальная цель – восстановить это пространство. И если мы не будем использовать слабость Соединенных Штатов или потребность Соединенных Штатов в России для того, чтобы продвинуть наши цели, то, значит, профнепригодная у нас дипломатия и политика.

В.Т.: – *Я фиксирую, что вот здесь есть проблема. Мы в этом заинтересованы, а американцы не хотят этот наш интерес учесть даже в перспективе того, что более мощная Россия станет их стратегическим союзником. Все равно они не хотят этого. Но на постсоветском пространстве, вернее, на этом примере, легче для всех нас понимать их логику. Если учитывать реальное могущество Америки, до*

сих пор имеющееся, и то, что все-таки это демократическая страна с какими-то историческими традициями, хотя здесь тоже очень много нюансов, и так далее, и тому подобное. Исходя из гипотезы, что России в ее нынешней конфигурации достаточно использовать внутренние ресурсы, чтобы жить хорошо и процветать, то тогда почему действительно не запустить американцев, коль у них есть тяга в построении демократии всюду, на все остальное постсоветское пространство? Просто пригласить их и сказать «приходите». Что тогда будет?

С.К.: – Я отвечу на ваш вопрос. Что же, мы считаем идиотами, что ли, наших вашингтонских коллег?

В.Т.: — *То есть они до конца не приходят, но и нам не дают.*

С.К.: — Нет, в действительности они не хотели на основе России создания новой империи.

А.А.: — Не хотели бы воссоздания империи, давайте называть вещи своими именами.

С.К.: — Но о воссоздании России как империи я хотел бы сказать твердо, что я как россиянин этого хочу. Но цари сделали чудовищную ошибку, вперившись в Центральную Азию. Цари платили за это огромные деньги, Советский союз платил огромные деньги».

В.Т.: – *Иначе там был бы кто-то другой. Вопрос в том, кто другой.*

С.К.: — Неважно. Пускай, пусть англичане бы захлебну-

лись раньше, чем мы, так сказать. Мы платили, и платили, и платили. И еще нам сейчас тихонько начинают скидывать. Заметьте, что никто не противостоял тому, что американцы ушли, а мы вошли в Узбекистан. При всем моем глубочайшем уважении к великому наследию узбекской, бухарской культуры, это одна из самых отсталых, самых больших и самых упавших стран Центральной Азии. Мы потихоньку получаем ее. За ними еще почему-то борются за Грузию. Хотя я бы Грузию скинул бы просто так, потому что это упавшее государство, которое не использовало никаких шансов, которые оно имело. Но мы хотим бороться за все? Или мы хотим бороться, между прочим, с американцами? Или сотрудничать с американцами за бремя в Ираке, в Иране, в Китае, в Европе? Там, где есть что-нибудь выгодное для России.

А.У.: — Мне кажется, что с американцами у нас два вопроса, и только два. И у американцев начинают блестеть глаза только, когда мы касаемся этих двух вопросов и больше никаких. Первый вопрос – это нераспространение ядерного оружия. Мы – единственная страна в мире, которая может легко кому-то передать ядерное оружие и тем самым, так сказать, увеличить число игроков на мировой арене. Вот здесь, конечно, следовало бы побольше поговорить об этой системе, о том, как мы получаем 780 миллионов каждый год. Это единственная скрепа между Россией и Америкой, которая нас держит. Мы получаем хорошие американские доллары, они нам помогают второе поколение подводных лодок

утилизировать и все в таком духе. Второе обстоятельство, когда у американцев начинают блестеть глаза, – это когда мы говорим о том, что Россия находится между Соединенными Штатами и Китаем. И все это было бы болтовней, если бы не удивительная манера, прошлогодняя, когда мы действительно показали, что мы действительно можем и на их территории, на китайской территории, и на российской территории...

Мы продаем Китаю на 4 миллиарда оружия каждый год: СУ-27, МИГ-30 – и мы делаем эту державу настоящей военной силой. Вот это обстоятельство является действительно могучим. Мне не очень понятно то, что здесь говорилось о Средней Азии, Сибири и так далее. Мы обладатели самой большой в мире кладовой, в которой есть нефть и все на свете. И это в тот период, когда последнее поколение имеет полностью нефть и все ресурсы. Через 14 лет в мире не будет цинка, не будет меди и так далее, и так далее. Сибирь является последней такой кладовой. Мы живем в жестоком мире и, мне кажется, что главным призом является Сибирь. И если бы Соединенные Штаты неожиданно гарантировали нам то, что они нам гарантировали в 1905 году, в 1931 году и в 1945 году, то есть Сибирь и Дальний Восток, то тогда отношения бы немедленно улучшились. Но, увы, этого никто не гарантирует. Поэтому связи с Китаем представляются более важными для нас.

В.Т.: – *То есть Соединенные Штаты Америки могут не-*

рейти к следующему расчленению России? Я правильно понял?

С.Р.: – Проблема заключается в том, можем ли мы использовать Америку в своих интересах. Существуют ли для этого возможности? У Америки есть десятки союзников, младших партнеров, и далеко не всегда (а я думаю, в большинстве случаев как раз наоборот) именно младшие партнеры Америки, такие, как Израиль, Южная Корея и так далее, используют Америку в своих интересах очень успешно.

В.Т.: – *Посмотрим, каков будет финал с Израилем, допустим, сейчас, через 30, 40, 50, 60 лет?*

С.Р.: — Конец света когда-нибудь наступит, но, очевидно, в американо-израильских отношениях, я думаю, в ближайшее время не предвидится. И для нас, на мой взгляд, необходимо четко понимать, что американская политика будет всегда направлена на то, чтобы не допустить превращения России в мировую сверхдержаву. Но никак Америка не стремится к новому расчленению России, как вы сказали, потому что если на месте России возникнет вакуум силы, то будут его заполнять вовсе не друзья Америки. Это будет Китай, это будет исламский мир, это будет, извините, Европейский союз и Япония, которые будут использовать такого рода геополитический вариант против Америки. И в этом плане мы можем говорить о неких параметрах взаимодействия нашего с Соединенными Штатами. Мы видим, как далеко мы можем заходить в сотрудничестве с ними, и как далеко в со-

перничестве.

В.Т.: – Я поставлю финальный вопрос предельно жестко и в провокационной форме – относительно того, что Америка хочет расчленивать Россию. В любом случае я не свое мнение высказал, хотя не уверен, что мое было бы совсем неправильным. Я сконцентрировал то, что Анатолий Иванович Уткин только что говорил. Представим такую ситуацию, что Китай по каким-то причинам (пусть это чисто гипотетически, но что такое геополитика? нужно разыгрывать эти гипотетические сценарии, какой-то из них может реализоваться) заявляет о своих претензиях на Сибирь или даже начинает какие-то враждебные действия. Означает ли это, что американские политики начнут испытывать дружеский интерес к России и придут к тому, что Вашингтон предложит Москве договор о совместной военной защите границ России на Дальнем Востоке. Американцы пойдут на это? Американцы предложат нам это или они будут смотреть, чья победит?

С.К.: – Безусловно, предложат. Хватит ли у них решимости предложить в открытой форме, не знаю. Америка – сверхмощная страна в значительной степени потому, что мы слабы. И поэтому мы немного демонизируем Америку. Боюсь, что они нами начнут маневрировать в этом странном сценарии, хотя китайцы не будут ставить вопрос об отчленении Сибири ни при моей жизни, ни при жизни моих детей.

А.А.: — Я думаю, что это очень даже может произой-

ти при вашей жизни. Я вам желаю долгих лет, но это может произойти гораздо скорее, чем вы станете чемпионом по долгожительству. И в той форме, в которой вы, Виталий, поставили вопрос, я абсолютно готов поставить свой последний рубль, что Америка предложит, и не только Америка. Предложит и Япония, и Индия, потому что ничего страшнее для Азии и в значительной степени для Америки как страны, которая имеет огромный интерес к Евразии, нет, чем Китай с колоссальными природными запасами Сибири. Вот это будет сверхдержава, которой испугается весь мир. Даже Европа, которая далеко от Китая находится, тоже предложит, потому что огромный экономический потенциал, огромный человеческий потенциал плюс три четверти разведанных природных энергетических ресурсов мира сделают Китай сверхдержавой. Вот тогда Китай станет единственной сверхдержавой, имея при этом далеко не демократическую систему. Это испугает настолько, что предложат, и еще будут уговаривать принять помощь.

А.У.: — Мне представляется, что это в основном удивительное чисто русское качество – верить в чудо. Представить себе, что в самый трагический момент, во второе 22 июня, Соединенные Штаты предложат нам все свое могущество против Китайской народной республики...

В.Т.: – *Или будут ждать три года, чтобы открыть второй фронт, когда дело уже будет решено.*

А.У.: — Когда это уже будет у Финского залива...

В.Т.: – *То есть только в эту сторону? Вы другого не рассматриваете?*

А.У.: — Это абсолютный абсурд. Соединенные Штаты, естественно, будут печалиться от того, что китайско-финская граница будет слишком близко к НАТО. Но никогда Соединенные Штаты не пойдут на такое, никогда Конгресс Соединенных Штатов на это не согласится, Сенат не объявит войну, Президент не примет решения. Это невозможно, с этим нужно жить.

А.М.: – Я здесь в большей степени, конечно, согласен с Анатолием. В действительности, если даже будет некое желание поучаствовать в сохранении России или недопущения Китая и его экспансии в Сибирь, то будет...

В.Т.: – *...запрет на тушенку, на автомобили.*

А.М.: — Нет, я бы по-другому сказал. Если бы стояла стратегически такая задача, то американцы то ли по глупости, то ли по недальновидности не ослабляли бы Россию в течение всего этого времени после распада Советского союза. Они должны были укреплять Россию, укреплять все это пространство. И тогда бы Россия поверила, что Америка хочет быть реальным союзником, и тогда бы они совместными усилиями сдерживали бы растущий Китай. Но мы видим прямо противоположные действия.

А.У.: — США бы тогда приняли нас в НАТО».

В.Т.: – *На особых условиях.*

А.М.: — И тогда бы российско-китайскую границу дей-

ствительно защищали бы натовские войска. Но этого же не происходит.

А.А.: — Так ведь Китай еще ни на кого не напал.

А.М.: — Это условно. Но тогда была бы гарантия. Пятая статья распространилась бы автоматически. Это то, о чем здесь говорили.

А.А.: — Андраник Мовсесович, так это чисто гипотетический вопрос. Такого пока в жизни нет.

А.М.: — Я понимаю. Я тоже гипотетически говорю.

А.А.: — Так вы говорите, почему не сделали. Это потому, что не возник еще такой вопрос и такая угроза.

А.М.: — Пока что мы видим ведущееся по инерции ослабление России, а не усиление.

В.Т.: — *Сергей Михайлович, ваше выступление.*

С.Р.: — Если посмотреть на двести с лишним лет истории российско-американских отношений, то мы увидим определенную закономерность при всех колоссальнейших различиях между Америкой и царской Россией, Советским Союзом и так далее. Всегда срабатывал механизм объединения усилий, когда появлялся общий враг. Это было и в конце XVIII века, и в середине XIX века, и в Первую мировую войну, и во Вторую мировую войну. Поэтому я с Анатолием Ивановичем абсолютно не согласен. Напомню про 22 июня. 22 июня Рузвельт сказал: «Я антикоммунист. Я ненавижу советский строй. Но нам надо понять, что это означает. Что для нас страшнее – Гитлер или Сталин?» И он сделал свой вы-

бор. Я думаю, что если возникнет такая ситуация, когда Китай станет врагом и для Соединенных Штатов, и для России, то результат совершенно предсказуем. Тем более в Америке хорошо известны многочисленные сценарии и их варианты применения вооруженных сил США. Китайское вторжение в Сибирь рассматривается регулярно как стандартный сценарий где-то для начала 21 века.

И последнее. Те изменения, которые сегодня происходят, – перспектива истощения сил Соединенных Штатов, которое вполне реально, и это может стать ясным буквально в течение ближайших нескольких лет – радикально изменят американское отношение к России. Пока американцы упиваются своей сверхдержавностью, плевали они на российские национальные интересы. Если же Америка не в состоянии делать все сама, то тогда возникнет классическая игра по принципу баланса сил. И в этой игре Россия будет нужна Америке. И тогда у Америки будет интерес считаться с интересами России, в том числе и на территории СНГ, в Закавказье и так далее. Сегодня такого интереса нет. И поэтому очень опасно, когда мы говорим о партнерстве, а реально его нет. Это иллюзия, которая может обойтись боком.

В.Т.: – *Хорошо, завершаем. Но вот я вспоминаю передачу по Евросоюзу, сколь немощна западная Европа с близлежащими территориями на востоке, там тоже много неясности в отношениях с Россией, но такой проблемности не ощущается. Все сводится к уровню безвизового проезда и*

к каким-то еще достаточно симпатичным, но не глобальным вещам. А вот США, безусловно, являются проблемой для России, причем любое шевеление этого гиганта в любую сторону создает проблемы всем, хорошее ли это шевеление или плохое шевеление. Общій вывод – не мой, все сошлись – неплохо бы нам действительно, на официальном уровне более капитально проранжировать вот эту проблемность, и принять решение по тому, как мы действуем в той или иной ситуации. Да и американцам неплохо бы все-таки понять: они наши друзья и союзники или только прикидываются.

Программа «Что делать?», 19.02.2006

Каир устроил тест для Обамы

Как администрация США справляется с египетским кризисом?

Глядя из Москвы на развитие политического кризиса в Египте и попытки американской администрации справиться с ним, президенту США Баракку Обаме не позавидуешь.

Становится все более очевидно, что теперь уже, как бы ни развивался кризис в Египте, администрации Обамы вряд ли удастся избежать серьезных внешнеполитических потерь. Для всех очевидно, что от того, как администрация Обамы справится с политическим кризисом в Египте, будет зависеть не только судьба отношений США с исламским миром, но и восприятие роли и возможностей США в новой системе международных отношений. Само собой разумеется, что от этого в значительной степени будет зависеть судьба проамериканских арабских режимов в Иордании, Йемене и Саудовской Аравии – и в результате судьба Израиля.

За два года правления Обаму в различных публикациях нередко сравнивали с бывшим президентом США Джимми Картером, президентство которого было не самым славным во многом из-за неспособности справляться с экономическими проблемами дома и из-за того, что той администрации не удалось предотвратить крах шахского режима в Иране и прихода к власти антиамерикански настроенных ислам-

ских радикалов. В результате всего этого Картер оказался президентом одного срока и уступил власть Рональду Рейгану. Схожесть ситуации усиливается еще и тем, что президент Картер, выдвинув в качестве краеугольного камня своей внешней политики концепцию защиты прав человека, требуя неприменения силы от своего ключевого союзника на Среднем Востоке – иранского шаха, парализовал тем самым его действия и в значительной степени способствовал приходу к власти в этой стране исламских радикалов. А теперь рассмотрим действия нынешней администрации по разрешению кризиса в Египте.

Создается впечатление, что после нескольких дней массовых демонстраций в Каире и других городах Египта с требованиями отставки президента Мубарака и заявлений представителей египетской армии о нейтралитете в Вашингтоне решили, что дни Мубарака сочтены. В результате администрация Обамы посчитала, что нет необходимости и дальше поддерживать союзника, которым он являлся 30 лет, и лучше выглядеть другом оппозиции, выступающей под лозунгами демократии и политических свобод, в надежде добиться быстрой смены власти и полагая, что в результате выборов в Египте к власти придут политики, дружелюбно настроенные по отношению к США и Израилю. Под их руководством Египет по-прежнему будет надежным союзником США в обеспечении стабильности в регионе и борьбе с международным терроризмом и исламским радикализмом.

С этой целью администрация Обамы потребовала от Мубарака воздержаться от применения силы и мирным путем осуществить формирование новой власти через свободные и демократические выборы. Как президент, так и члены его администрации не удовлетворились заявлением Мубарака, что он не будет принимать участия в следующих президентских выборах, но сохранит свою власть до сентябрьских выборов. Как Обама, так и его пресс-секретарь Гиббс заявили о том, что переход власти должен осуществиться немедленно. Администрации вторил сенатор Маккейн, который выступил с категорическим заявлением о необходимости немедленной отставки Мубарака с передачей власти в руки «временной администрации, куда вошли бы представители египетской армии, действующего правительства, гражданского общества и продемократических сил, которые обеспечили бы в стране свободные и признанные международным сообществом выборы в этом году как необходимого элемента реального перехода к демократии».

Заявление Маккейна привлекло внимание политиков и аналитиков еще и потому, что многие американские СМИ сообщили о том, что оно было сделано после встречи сенатора с Обамой в Белом доме и чуть ли не представляет собой официальную позицию и самого президента. Развитие внутривнутриполитической ситуации в Египте дает основание полагать, что администрация Обамы, политики типа Маккейна и многочисленные комментаторы американских газет, радио и те-

левидения просчитались в своих оценках ситуации.

Мубарак поступил прямо наоборот. Вместо того чтобы подать в отставку, он мобилизовал своих сторонников, которые своими массовыми выступлениями в поддержку действующего президента должны были продемонстрировать как египетскому обществу, так и международному сообществу, что действующий президент пользуется широкой поддержкой в стране. Демонстрации массовой поддержки должны были убедить армию и другие силовые структуры сохранить лояльность по отношению к своему президенту. Свидетели столкновений между сторонниками и противниками Мубарака отмечают, что армия не препятствовала тому, чтобы сторонники Мубарака попытались изгнать оппозицию с площади Тахрир, и что самой армии изрядно надоели эти массовые демонстрации и массовые уличные беспорядки, и что она не поддерживает радикальных требований о немедленной отставке президента и смене режима.

Таким образом, если Мубараку удастся консолидировать значительную часть общества в свою поддержку, сохранить лояльность армии и спецслужб, то ему удастся самому стабилизировать ситуацию в стране и к сентябрю самому провести реформы и осуществить обновление власти, исходя из потребностей и политической реальности страны. Это будет означать очень серьезное внешнеполитическое поражение администрации Обамы не только в глазах египетской общественности и политической элиты, но и всего арабского

мира. Это особенно относится к таким странам, как Иордания и Саудовская Аравия, где политические элиты и власть в течение многих десятилетий выступали в роли надежных союзников США. У элит и властей этих стран будет подорвано доверие к нынешней администрации США, и они, скорее всего, перестанут рассматривать США в качестве надежного партнера, на которого можно рассчитывать в условиях хоть какого-то внутривнутриполитического кризиса.

А теперь давайте рассмотрим, что произойдет, если под давлением внутренних и внешних сил Мубарак будет вынужден немедленно подать в отставку. За последние дни колумнист «Нью-Йорк таймс» Томас Фридман несколько раз напоминал старую истину о том, что, как правило, социально-экономические и особенно политические преобразования в сторону либеральной демократии осуществляются при наличии сильной власти в стране. Власть сама выбирает время, последовательность шагов, определяет союзников, которых надо мобилизовать для поддержки этих преобразований, противников, которых надо нейтрализовать. Но когда власть слабая, а в Египте сегодня она слабая, и ее легитимность поставлена под сомнение требованием радикальных реформ протестующими на улице и даже союзниками извне, да еще при условии немедленной отставки лидера, который был стержневым элементом режима, то в таких условиях радикальные политические реформы могут привести к краху государственной власти. Ситуация может выйти из-

под контроля, страна может погрузиться в хаос с угрозой начала широкомасштабной гражданской войны.

Весьма гуманное и благородное требование Вашингтона к египетским властям отказаться от применения силы по отношению к протестующим на улицах может обернуться катастрофой для страны. Когда оппозиция, особенно оппозиция в лице масс, протестующих на улице, уверена в том, что власти не посмеют применить силу, в таком случае они действуют в соответствии с законом игры с нулевой суммой и не идут на разумные уступки и компромиссы. Как показывает опыт царской России, отречение царя и отказ от применения силы со стороны властей привели к краху государства.

В нынешних условиях в Египте отсутствуют серьезные институционально организованные политические силы вне правящего режима, слабы институты гражданского общества, нет культуры горизонтальных отношений, когда политические и общественные силы готовы пойти на взаимные уступки и компромиссы. В этих условиях немедленное проведение свободных, демократических, соревновательных выборов означает шаг на пути передачи власти «Братьям-мусульманам». Как показывает опыт свободных выборов в этом регионе в случае с Палестинской автономией и Ливаном, к власти на подобных выборах приходят не либеральные демократы, которые составляют незначительное меньшинство в этих странах, а партии типа ХАМАС и Хезболлах, которые больше соответствуют чаяниям и духу ули-

цы.

Таким образом, в сложившейся ситуации есть три возможных сценария и все три могут быть плачевными для администрации Обамы. Первый: вопреки требованиям официального Вашингтона, Мубарак сохранит власть и в сентябре сам проведет выборы и либерализацию режима. Второй: если кризис не оказывается длительным и армия сохраняет свой моральный авторитет спасителя отечества, она сама устанавливает военную диктатуру с неясными последствиями, так как, по мнению специалистов, египетская армия не имеет опыта и необходимых навыков для осуществления политического руководства страной. Третий: в условиях продолжающегося кризиса Мубарак в ближайшее время под давлением демонстрантов и Вашингтона подает в отставку. Страна скорее всего ввергается в хаос. В результате выборов формируются слабые промежуточные институты власти с сильным представительством религиозных радикалов из организации «Братьев-мусульман», которые при продолжении хаоса и неуправляемости в стране и нейтралитете армии устанавливают собственную монополию на власть, тем самым создавая принципиально новую ситуацию не только для Египта, арабского и исламского мира, но и для всей системы международных отношений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.